

Э. Н. Таракина присоединяется к мнению О. И. Капицы и ее последователей, считая, что к детскому фольклору следует относить как произведения, специально созданные взрослыми для детей, так и произведения, перешедшие к детям из репертуара взрослых и созданные самими детьми. Эту точку зрения составитель тома считает наиболее приемлемой для мордовского материала и убедительно обосновывает ее. Во вступительной статье даны некоторые сведения о жанровых и поэтических особенностях детского фольклора, рассмотрены вопросы генезиса его жанров, их эволюции и современного состояния.

В сборнике принята жанрово-возрастная классификация текстового материала: колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки, заклички, приговорки, обрядовые произведения, игры, считалки, скороговорки, загадки, дразнилки, сказки.

Тексты в сборнике даны на современных мордовских литературных языках мокша и эрзя и в подстрочном переводе на русский язык. Составитель старался максимально приблизить перевод к оригиналу, однако это сделано не всегда удачно, особенно в текстах, почти целиком состоящих из специфических выражений и звукоподражательных сочетаний, которые в переводе многое теряют в смысловом и интонационном богатстве. Это особенно заметно в разделах «Игры» и «Считалки» (№ 271, 283, 293—311).

Достоинством рецензируемой работы является научный аппарат. В примечаниях к текстам читатель найдет данные об использованных источниках, указания на время и место записи, фамилии и возраст исполнителей. Когда это возможно, приводятся и более полные сведения об исполнителях, а также о том, когда и при каких обстоятельствах то или иное произведение вошло в их репертуар (с. 273). В настоящее время в рукописном фонде Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики накоплен огромный материал по детскому фольклору, однако в сборник включено 433 лучших текста, отличающихся своими высокими идейно-художественными достоинствами. В комментариях к текстам колыбельных песен, прибауток, закличек, приговорок, обрядовых произведений, игр, дразнилок, сказок даются ссылки на их рукописные варианты. Кроме того, сказки, включенные в сборник и приближающиеся к известным сюжетам, снабжены ссылками на соответствующие номера «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева, что очень важно для научного пользования.

В конце тома дано приложение «О музыкальном складе мордовских детских песен», выполненное музыковедом Т. И. Одиноковой. В нем приведено 58 образцов типичных напевов и мелодий детского фольклора.

Итак, перед нами лучшие образцы мордовского детского фольклора, со вкусом отобранные. Значение этого сборника выходит за пределы финно-угорской фольклористики. Он дает важный материал для дальнейших исследований, может быть использован педагогами и воспитателями.

Однако при всем богатстве и многообразии материала, высокому уровню его научной подготовки в сборнике имеются некоторые досадные недостатки. Например, в комментариях номера томов рассматриваемой серии указываются то римской, то арабской цифрами, т. е. не унифицированы (с. 262), перевернуто клише нотного приложения (с. 298), на с. 265 под № 44 указано с. Старая Мурза Кочкуровского р-на Мордовской АССР. В этом районе есть с. Старые Турдаки (по-мордовски — Ташто Мурза). Однако эти небольшие недочеты не снижают научной ценности этой нужной книги.

Л. В. Седова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Д. Ковачевич-Којић. Градска насеља средњовековне Босанске државе. Сарајево, 1978, 421 с.

О средневековой Боснии долгое время писали как о стране, якобы лишенной городов,—так начинается свою книгу «Городские поселения средневекового Боснийского государства» известный югославский медиевист Десанка Ковачевич-Коич. Проверить справедливость этого мнения — основная задача, решаемая в монографии, подводящей итог многолетних изысканий ученого. Это первый опыт такого широкого исследования: никогда еще города XI—XV вв., расположенные между Дриной и Уной, не подвергались столь обстоятельному и всестороннему изучению. Перед автором стояла задача чрезвычайной трудности. Хорошо известно, что Босния — страна, подвергшаяся особенно интенсивной османизации, все местные архивы были уничтожены, письменные источники дошли до нас в ничтожном количестве, а города подверглись перестройке по восточному образцу. Нетрудно представить, какие сложности это порождает для ученого-урбаниста. Поэтому Д. Ковачевич-Коич пришлось прибегнуть в первую очередь к таким свидетельствам, как данные Дубровницкого архива и, кроме того, привлечь материалы топонимики, археологии и исторической этнографии.

Книга содержит 12 глав, сведенных в четыре крупных раздела («Появление и развитие городских поселений», «Хозяйство городских поселений», «Общественные и административные структуры», «Городская среда»). Она прекрасно издана и иллюстрирована. Обширный список источников и литературы (что весьма далеко не во всех новейших работах югославских авторов), обстоятельный указатель завершают ее.

До начала XIV в. трудно обнаружить какие-либо проявления урбанизации. Город, изученный в монографии, это по существу лишь город второй половины XIV—XV вв., а в 1463 г. Босния была завоевана турками. Две первые главы посвящены возникновению и распространению сети городов в эти 100 с небольшим лет. Автор выделяет в качестве районов наиболее быстрой урбанизации долину р. Босны (города Високи, Сутьеска, Врандук), бассейн верхней Дрины и Лима (города Горажд, Устиколина, Вишеград), Хум (будущую Герцеговину с городами Требинье, Церницей и др.) и западную Боснию (Яйце, Весела Стража, Биоград). На знаменитом «дринском пути», соединявшем Дубровник и Паннонскую низменность, а также в долине р. Неретвы появляются особенно крупные центры.

Монография сараевского историка содержит важные данные по экономической истории балканского средневековья, Д. Ковачевич-Коич обосновывает новыми данными известный тезис о горном деле как первопричине, вызвавшей к жизни большинство боснийских городов. Сребреница, Олово, Фойница, Зворник набирают силу с 30-х годов XIV в., когда были открыты залежи боснийского олова и серебра; это — первая категория возникающих здесь городов. Вторая — «подградья», предместья укрепленных феодальных дворов (Подвисоки, Подвишеград), третья — местные торги, еженедельные базары, примером которых могут служить Четвертковище и Торник (т. е. «вторник») — будущее Сараево. Автор приводит длинный список товаров, имевших хождение на местном рынке.

Нам хотелось бы особенно подчеркнуть, что автор добился успеха в тех главах, где проанализированы материалы о двух группах иностранного населения в городах средневековой Боснии. Первая группа — саксы («саси» боснийских источников), явившиеся сюда в качестве носителей опыта в горном деле и некоторых ремеслах (недаром в Сребренице долго бытовали названия «шустер» и «шнайдер»). И вторая — дубровчане, сведения о которых исключительно обильны и поддаются статистической обработке. Д. Ковачевич-Коич подсчитывает их двояко: за длительный промежуток (например, за 1412—1433 гг. в Високом побывало 370 чел. из Дубровника, а в Зворнике за 1415—1432 гг. — даже 640 чел.) и проживающих одновременно. Так, в 1434 г. в Сребренице существовала колония, насчитывающая 474 дубровчанина. Если учесть, что большинство боснийских городов имело в своих стенах не более 2 тыс. жителей (исключением являлась Сребреница, в которой проживало около 3,5 тыс.), то окажется, что без участия дубровчан вообще невозможно рассматривать историю города в Боснии. Наличие мощного, отлично организованного и очень влиятельного дубровнического анклава убедительно аргументировано в монографии.

Но где же сами боснийцы? В литературе как-то терялась безымянная масса горожан местного происхождения. Д. Ковачевич-Коич снимает с нее налет безымянности. Проанализировав «Книги должников» из Дубровнического архива, она устанавливает имена нескольких сот боснийцев-горожан, вступивших с дубровчанами в кредитные сделки. Это исключительно славянские имена, это иная этническая категория в отличие от дубровчан. Сделан крупный шаг в исследовании этнической структуры средневекового балканского города. Д. Ковачевич-Коич пытается реконструировать и внешний облик этого города, хотя археологическое изучение его только начинается, обследованы лишь Бобовац и Сутьеска. Она приходит к выводу, что почти все города имеют одну и ту же градостроительную структуру с рыночной площадью и церковью в центре, а жилой дом, как правило, соединен с лавкой-мастерской в отличие от восточных центров, где жилые кварталы строго отделены от деловых, торговых (так позднее будет и в Боснии).

Завершающая книгу часть о городской культуре, на наш взгляд, — одна из самых удачных. И снова на помощь автору приходят свидетельства из Дубровнического архива. В кредитных актах всегда фигурируют залого, а их неизменной частью являются пояса, обильно украшенные серебром и очень тяжелые (женские весили до 1,7 кг, а мужские — даже до 2,3 кг). Их большой вес исследователи рассматривают как специфически боснийскую особенность, так же как и «боснийский способ» пошива одежды. Характерно, что в боснийских городах трудно найти следы воздействия итальянской гуманистической культуры, хотя материальных свидетельств торговых связей со Средиземноморьем немало, а гуманистическое влияние ощущалось и дальше на восток, в Сербию.

Немногое удастся оспорить в убедительном исследовании Д. Ковачевич-Коич. Возможно было бы, пожалуй, пожалеть, что вопрос об общественной структуре города так и остался нераскрытым, он подменен вопросом о его административной и профессиональной структуре, о занятиях населения. Мало сказано об отношениях между собственником и работником в горном деле. Не совсем убедительно звучит вывод о том, что разнообразие ювелирных изделий является доказательством их изготовления для нужд городского рынка («трудно поверить, что в боснийском селе носили серебряные шпоры или употребляли роскошную серебряную посуду» — с. 310) — именно для нужд проживающих вне городов вотчинников и могли изготавливать эти изделия. Однако в целом

это яркая, чрезвычайно серьезная книга. Раскрыта еще одна доселе неизвестная страница в истории балканского средневековья — «за сто лет своего развития и подъема боснийские городские поселения восприняли много черт европейских городов того времени, но одновременно создали и свое собственное лицо» (с. 352). Внимательный читатель книги Д. Ковачевич-Коич не может не согласиться с этими словами.

М. М. Фрейденберг

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Североамериканские индейцы. Сокращенный перевод с английского. Редакция, предисловие и введение Ю. П. Аверкиевой. М., 1978, 494 с.

Рецензируемая книга представляет собой перевод подготовленного группой американских этноисториков и выпущенного в свет в 1971 г. издания «Североамериканские индейцы в исторической перспективе». Оно посвящено памяти известного советского этнографа-американиста И. А. Золотаревской, принимавшей участие в обсуждении рукописей отдельных глав.

В книге рассматриваются основные этнотерриториальные группы индейцев США и Канады и особое внимание уделяется их истории в период после начала европейской колонизации. Поэтому нам думается, что английское название книги — «Североамериканские индейцы в исторической перспективе» отражает содержание и направленность этого коллективного исследования точнее, чем усеченное в русском издании — «Североамериканские индейцы». А в предисловии было бы целесообразно пояснить, какие разделы монографии были сокращены при ее переводе на русский язык и почему.

Русское издание книги открывается содержательным введением, написанным Ю. П. Аверкиевой. В нем рассказывается о заселении Нового Света, лингвистической классификации индейцев, истории и локальном своеобразии индейских культур в эпоху до европейского завоевания, положении индейцев в колониальный период и в наши дни. Ознакомление с этим введением, несомненно, облегчит читателю понимание и усвоение последующих, более частных по своему характеру глав рецензируемой книги.

В то же время нам бы хотелось высказать несколько соображений в связи с отдельными имеющимися во введении формулировками. Мы не убеждены, что при перечислении районов наиболее высокого развития индейских культур на территории США (с. 9) можно называть только лесные зоны на востоке материка и юго-западе, не упоминая о высоких культурах юго-востока, по крайней мере частично расположенных вне зоны лесов (Кахокиа и некоторые другие протогорода). Центры культуры Миссисипи мы в отличие от Ю. П. Аверкиевой склонны считать еще не городами (с. 12), а протогородами. При этом мы следуем установившейся в нашей исторической литературе традиции, согласно которой наличие городов означает существование цивилизации и государства, а они, по-видимому, — и с этим как будто согласен и автор введения, — еще не сложились у создателей культуры Миссисипи.

За введением следуют 11 глав, из которых 10 носят региональный характер и посвящены отдельным группам племен, а в одной, заключительной, анализируется современное положение американских индейцев. Основное внимание в большинстве глав в соответствии с характером рецензируемой книги обращается на этническую и социальную историю индейцев после начала европейской колонизации. Вместе с тем авторы региональных глав, как правило, уделяют известное внимание и доевропейскому периоду в истории коренного населения, характеристике его традиционной материальной и духовной культуры, а также социальной организации.

Нельзя не сказать, что отдельные главы книги очень разнятся между собой по широте охвата темы, глубине проникновения в социальные и этнические процессы и манере подачи материала. Некоторые из них носят подлинно исследовательский характер, отличаются богатством фактических данных, тщательностью анализа проблем развития индейских обществ. Такими лучшими в рецензируемой книге, на наш взгляд, являются главы Г. Хикерсона о чиппева, Дж. Велтфши об индейцах степей, Ю. П. Аверкиевой о коренном населении северо-западного побережья Северной Америки (это единственная глава монографии, написанная не американским, а советским исследователем), Дж. Хелм и Э. Ликок об охотничьих племенах Канадской Субарктики и Н. Лури о современном положении американских индейцев.

Так, глава Г. Хикерсона «Племя чиппева с севера Великих озер: очерк социополитических перемен» привлекает внимание своим историзмом, детальным показом европейского влияния на социально-экономические отношения чиппева. Автор выделяет и характеризует четыре стадии социально-экономического развития чиппева: 1) патрилинейные группы родственников; 2) деревни со смешанным в родственном отношении